

УДК 343.3

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ.
207.3 УК РФ**

Чижова Е. С.

Мелитопольский государственный университет

В статье анализируются теоретические и прикладные вопросы реализации уголовной ответственности за распространение ложных сведений о Вооруженных силах Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ, ст. 280.3 УК РФ); исследуется проблема квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации; приводится обоснование того, что необходимым условием вменения распространения недостоверных сведений по смыслу ст. 207.3 УК РФ является опубликование официальной позиции по конкретному вопросу официальных органов власти; делается вывод о том, что уголовно-правовая норма о клевете (ст. 128.1 УК РФ) и ст. 207.3 УК РФ не соотносятся между собой как конкурирующие; показывает, что вполне допустима ситуация применения ст. 207.3 УК РФ и ст. 280.3 УК РФ в идеальной совокупности.

Ключевые слова: исследования, специальная военная операция, дискредитация, уголовная ответственность, экспертиза, экспертная ошибка, ложная информация о Вооруженных силах РФ, клевета, обман, преступления, публичное распространение заведомо ложной информации, использование, наказание, уголовный закон, «фейки», акции антивоенного протеста, информационное партнерство.

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за умышленное публичное распространение ложных сведений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), госорганов РФ при исполнении ими своих полномочий, оказании помощи общественными организациями, организациями или физическими лицами в области выполнения задач, возложенных на ВС РФ. Появление данной нормы в УК РФ во многом связано со специальной военной операцией, проводимой ВС РФ с февраля 2022 г.

В исследовании используются такие методы исследования, как правовой анализ, сравнение и статистика. Приводятся примеры судебной практики применения действующего законодательства. Изучение ст. 207.3 УК РФ показывает на ее проблемные стороны в конструкции и правоприменительной практике. В последнем разделе приводятся выводы по теме исследования.

Поведение, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ рассматривалось в юридической литературе после марта 2022 г., преимущественно в виде научных статей таких авторов как: А.М. Абдулатипов [1], А.В. Бриллиантов [2] А. В. Борисов [3] Н.Н. Бугера [4], Л.В. Дулькина [5], В.С. Кашин, В.В. Бычков [6], А.Г. Кибальник [7], А.М. Шамаев [8], В.М. Шеншин и др., где представлены характеристики юридически значимых признаков преступления по ст. 207.3 УК РФ, а также ответственности за него. Необходимо обратить внимание на средства массовой информации и Интернет, которые конкретно сообщают о проблемах, возникающих в судебной практике применения этих норм, и проблемах, требующих решения.

Специальная военная операция и её элементы, реализуемые ВС РФ, другими войсками и воинскими формированиями привели к существенным изменениям си-

туации в мире и почти во всех сферах жизни российского общества. С развитием информационных и телекоммуникационных технологий различная информация о военных действиях очень быстро распространяется по различным каналам связи. Учитывая политические взгляды и цели разных источников, эта информация может подаваться по-разному и быть противоречивой и противоположной. В некоторых случаях может иметь место и заведомо ложная информация, которую в современном обществе называют «ложью». По этим причинам распространение дезинформации требует соответствующих государственных мер, в т.ч. уголовно-правовых.

Ст. 207.3 была введена в УК РФ, поскольку публичное распространение ложной информации (например, о ведущихся боевых действиях, военных операциях, количестве боевых потерь, направлениях выдвижения и т.п.) может привести к недопониманию хода СВО, нанести ущерб и ослабить государственные институты, власть, особенно основы государственного военного управления. Ч. 1 ст. 207.3 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное публичное распространение под видом достоверной информации недостоверных сведений, содержащих данные о применении ВС РФ в целях защиты государственной безопасности, поддержание международного мира и безопасности либо осуществление своих полномочий за пределами территории РФ государственными органами РФ для конкретных целей и содержит сведения об оказании добровольными коллективами, организациями или отдельными лицами содействия в выполнении задачи ВС РФ или Войск национальной гвардии РФ, за совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Ч. 2 ст. 207.3 УК РФ предусматривает ответственность при следующих отягчающих обстоятельствах, лицом с использованием своего служебного положения для совершения того же деяния, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, при условии искусственного создания доказательств для обвинения, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или неприязни к какой-либо социальной группе, а так же из корыстных побуждений, кроме того, за такие преступления предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

Перечисленные деяния, повлекшие тяжкие последствия, наказываются по ч. 3 ст. 207.3 УК РФ лишением свободы от 10 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 5 лет. Чтобы считаться «фейком» и нести деструктивное влияние, распространяемая информация должна быть заведомо ложной и выглядеть достоверной. Предпосылки наступления ответственности за совершение деяний, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ предполагают осознание лицом недостоверности распространяемой информации.

Деятельность правоохранительных органов в направлении защиты добровольческих формирований, государственных органов, ВС РФ, выполняющих задачи в рамках Специальной военной операции, с течением времени приобретает системный характер. Практические работники на этапах выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, неминуемо обращаются к специалистам в области лингвистики. Именно от их выводов отталкивается следователь, принимая решение о возбуждении уголовных дел по признакам указанных

преступлений. Анализ личностных качеств правонарушителей показывает неготовность к осознанию многими из них преступного характера своих действий. В таких условиях возникновение ошибок при проведении лингвистических экспертиз (исследований) может оказать негативное влияние на укрепление общественного правосознания в исследуемом сегменте правоотношений.

Размышляя о природе и значении ошибки в своем произведении «Дуэль», А.П. Чехов отмечал: «Спотыкаются и на ровной дороге, и такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях» [11, с. 141]. В наиболее распространенной классификации экспертных ошибок принято выделять, в числе прочих, ошибки познавательного характера, образующиеся в ходе экспертного познания. Познавательный процесс основан на законах логики и определенных правилах. В свою очередь, такие ошибки разделяют на логические и фактические (предметные). Логическая ошибка представляется чаще всего в искажении или неверной интерпретации законов логики. В аспекте рассматриваемой нами проблематики углубление в природу данных ошибок, по нашему мнению, нецелесообразно.

Второй подвид ошибок представляет большой интерес. Фактические (предметные) ошибки образуются из-за искаженного представления у эксперта (специалиста) о взаимосвязях между элементами объективной действительности. Несомненно, что допущенная экспертная ошибка может сыграть ключевую роль в судьбе человека, результаты действий которого являются предметом экспертной оценки. Природа ошибочности экспертного заключения происходит не только из ошибок, допущенных непосредственно экспертом. Исследование в некоторых случаях может быть выполнено безупречно. Выводы эксперта (специалиста) вполне соотносимы с полученным результатом. Вместе с тем, ввиду небрежности (невнимательности) действий при изъятии следов, исходные данные изначально становятся ошибочными.

В практике на исследование представляют объекты, имеющие косвенное отношение к преступлению либо вовсе обнаруженные в ходе раскрытия, расследования иного преступления. В таком случае заключение эксперта (специалиста), через призму установления истины по делу, будет являться ошибочным. При таких обстоятельствах причиной ошибочного заключения является ошибка, либо умышленно неправильные действия, допущенные субъектом, назначившим экспертизу, а также его коллегами, ответственными за фиксацию обнаруженных следов. По этому в данном случае говорить об экспертной ошибке нельзя, речь может идти лишь об ошибочности заключения как документа.

Опираясь на сказанное, считаем необходимым рекомендовать сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющих расследование, тщательно подходить к анализу и обработке исходных данных и не допускать возможности их искажения. Если высказывания дискредитирующего характера выражены в тексте в печатном виде, необходимо предоставлять на исследование оригинал с напечатанным (написанным) текстом, изображением. В случае публикации в печатных изданиях или в электронных ресурсах (мессенджеры, социальные сети, СМИ) необходимо обеспечить эксперта ссылками на первоисточник, оригиналом печатной продукции, «скриншотами».

При наличии качественной аудио- и (или) видеозаписи высказываний необходимо предоставлять носитель с оригиналом записи, отражающей интонацию

и иные особенности максимально точно, во избежание возникновения амфиболии по примеру популярной фразы «...Казнить нельзя помиловать...», где смысл меняется в зависимости от места паузы после или перед словом «нельзя» [9].

Как было отмечено выше, дискредитация неразрывно связана с публичностью и взаимодействием между автором высказывания и адресатом. Означает ли это, что эксперт (специалист), осуществляющий лингвистическое исследование, одновременно должен исследовать особенности коммуникативной ситуации? Поиск ответа на данный вопрос адресует нас к познавательной деятельности следователя, оперативного сотрудника. Им необходимо обязательно анализировать данные об адресате высказывания, о наличии либо отсутствии возможности адресата реагировать на высказывание публично или не публично. Т.е., обратная связь между адресатом и автором высказывания, несмотря на свою очевидность с точки зрения публичности, требует определенного осмысления. Такая диагностика в коммуникативной среде, которой является, например, интернет-пространство, объективно необходима, поскольку задачей следователя является установление наличия либо отсутствия состава преступления. В исследуемой нами проблематике, с учетом научных подходов криминалистики, данные признаки приобретают особое значение. В случаях, когда высказывания дискредитирующего характера являются элементом диалога между двумя и более лицами, либо между двумя лицами в присутствии третьих лиц, фиксация признаков публичности может быть произведена несколькими следственными действиями: допрос свидетелей, которые, как правило, являются адресатами высказываний, опознание, очная ставка.

Однако, как показывает правоприменительная практика, подавляющее большинство рассматриваемых правонарушений, несмотря на публичный характер, носит латентный характер и выявляется при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Данный парадокс обусловлен высокой степенью правового нигилизма в обществе. Свое негативное воздействие оказала западная пропаганда, которая многие годы под ширмой демократических преобразований уничтожала нравственно-патриотические основы общества. Выявление правонарушений, как правило, происходит в сети Интернет, т.е. в компьютерной среде. Эта среда высокотехнологична и уверенное ориентирование в ней невозможно без определенных навыков, умений, представлений о коммуникативных механизмах, используемых при передаче и получении информации.

Таким образом, Интернет с ее транслирующими особенностями, безусловно, может быть рассмотрена как средство совершения дискредитации. Качественно проанализировать Интернет-среду, обнаружить и зафиксировать объекты, которые могут иметь доказательственное значение, – задача, не всегда успешно решаемая единолично следователем, оперативным работником. Так называемые «лайки», «дизлайки», иные символы, позволяющие выразить свою реакцию на изображение или текст, являются свидетельством вовлеченности аудитории, а, следовательно, публичности. Некоторые сервисы содержат информацию о точном числе просмотров, прослушивания того или иного текста либо изображения. Традиционно основными следственными действиями, позволяющими зафиксировать такие объекты, являются следственные осмотры, обыски, выемки и иные следственные действия, призванные установить принадлежность текста, изображения. С одной стороны, транслирование дискредитирующей информации в соцсетях внешне

выглядит естественно и не представляется проблемным для обычного пользователя. С другой – технически, это происходит посредством создания файлов, на электронных носителях информации, которые, в свою очередь, обладают набором идентификационных признаков. В условиях активного противодействия установлению истины по уголовному делу подозреваемый (обвиняемый) может предпринимать попытки уничтожения файлов, преобразования их в скрытые от обозрения. Даже поверхностное погружение в данную проблематику на основе данных, полученных от практических работников, позволяет сделать вывод, что в современных реалиях использование спезнаний в разных областях становится все более востребованным еще до возбуждения уголовного дела. Применительно к исследуемому виду преступлений это могут быть знания не только в области лингвистики, но и в технической сфере, психологии, социологии, культурологии, литературоведении и др.

Возвращаясь к возможности определения отсутствия (наличия) признаков публичности экспертом лингвистом, полагаем, что определяющим для следователя, оперативного работника в данном случае, должны являться факторы, связанные с компетенциями того или иного эксперта. В практике расследования данных преступлений не часто, но встречаются комплексные психолого-лингвистические исследования, выполняемые одним специалистом. В них специалист дает оценку полученным данным и в аспекте публичности, и в аспекте дискредитации.

Вот почему упомянутый выше анализ следователем, оперативным сотрудником исходных данных, по нашему мнению, может быть рассмотрен как часть диагностического анализа, и, как справедливо отмечено Н.Е. Мерецким, анализ, осуществляемый следователем в отношении имеющихся в его распоряжении фактических данных, позволяет обнаружить взаимосвязь между различными объектами, а это положительно сказывается на производственном процесс [13, с. 69]. Таким образом, вышесказанное является достаточным стимулом для рассмотрения анализа исходных данных через призму криминалистической диагностики как теории, а не только как составляющей деятельности эксперта при производстве конкретного исследования.

Другим проблемным аспектом является то, что не редко у оперативных сотрудников и следователей возникают трудности при формулировании вопросов, предоставляемых на разрешение экспертизы по признакам дискредитации. Общими принципами, которыми должны руководствоваться следователи при назначении экспертиз, являются принципы необходимости и достаточности, а это означает, что на разрешение эксперта целесообразно выносить только те вопросы, ответы на которые необходимы для установления истины по УК РФ [12, с. 70].

При этом эксперт (специалист), приступая к выполнению поставленной задачи, должен обладать необходимым (достаточным) объемом исходных данных. Следователю, оперативному сотруднику, в рамках взаимодействия при работе по выявлению и раскрытию преступлений указанного вида, следует организовать работу по обеспечению эксперта (специалиста) такими данными. Для этого необходимо обращаться к официальным источникам информации (печатным изданиям), интернет-сайтам госорганов, при необходимости направлять им запросы.

Возвращаясь к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертизы, особое внимание следует сосредоточивать на выражении в

высказываниях речевых целей «убеждений», например, побуждений к формированию мнения о том, что цели исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами ее территории не соответствуют обозначенным официально (демилитаризация и денацификация Украины, защита жителей ДНР и ЛНР от агрессии со стороны Киевского режима, устранение исходивших с территории этой страны угроз в адрес нашей страны). Зачастую автор подобных высказываний формирует у адресата представления о несоответствии действий, совершаемых государственными органами РФ за пределами территории страны, целям защиты интересов РФ и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности и сопровождает это окраской в негативном тоне.

С учетом вышеуказанного считаем возможным постановку вопросов на разрешение экспертизы в следующем варианте: содержит ли предоставленная информация ряд языковых и психологических признаков, заставляющих получателя поверить в негативный характер цели использования органами государственной власти РФ ВС РФ для осуществления своих полномочий, а именно дискредитации их? В качестве уточняющих вопросов следует рассмотреть следующие: Имеется ли обоснование данной негативной оценки? Какие средства используются для ее выражения?

С учетом специфики науки лингвистики следователям и оперативным работникам не следует пренебрегать возможностью проведения предварительных консультаций с экспертами как на стадии выявления признаков преступления при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и на стадии подготовки к проведению судебной экспертизы. Таким образом, подводя итог, а также учитывая возрастающее количество криминалистических исследований этой направленности и, как следствие, увеличенную нагрузку на экспертов-лингвистов, считаем целесообразным на ведомственных уровнях рассмотреть вопрос об увеличении штатной численности профильных экспертных подразделений, о привлечении в них новых специалистов, повышении их профуровня, совершенствовании экспертных методик. Предпосылкой ответственности за совершенное деяние является осознание ложности сообщения, переданного в соответствии с ч. 1 ст. 207.3 УК РФ.

Цель преступления по ст. 207.3 УК РФ не содержит конкретных положений, поэтому она может меняться, не влияя на право на получение льгот. Преступный мотив указан как обязательный признак в пункте «г» (по корыстным мотивам; считаем, что это может быть материальная выгода от преступления) и пункте «г» (по политическим, идеологическим, расовым, этническим или религиозным мотивам). В своем решении суд указывает в качестве мотива политическую ненависть. Проблема борьбы за истину имеет не мифологизированный, а вполне реальный и жизненно необходимый характер. Только точное знание о явлении может служить опорой для принятия верных решений, иногда влияющих на будущее всего человечества.

В соответствии с Военной доктриной РФ ключевым внутренним военным опасностям можно отнести деятельность, направленную на воздействие на население посредством посланий, ориентированных преимущественно на молодых граждан страны, с целью подрыва исторических, духовно-патриотических традиций в области защиты Родины. По делам о преступлении, предусмотренном ст. 207.3 УК РФ, необходимым условием вменения распространения недостоверных сведений выступает опубликование официальной позиции по конкретному вопросу официальных

органов власти.

События февраля-марта 2022 г. показывают, что противодействие специальной военной операции осуществляется не только военным, но и информационным способом, позволяющим осуществлять дезинформацию общества и способствовать организации общественных беспорядков. В период проведения СВО выделилось такое явление как «фейки», являющиеся ничем иным, как оружием информационной войны. В такое время на российское уголовное право ложится важная задача противодействовать подобному рода преступным деяниям, которые способны привести как к заблуждению людей, так и вовсе стать почвой для опасных провокаций, вызванных вредоносным психологическим воздействием на граждан, успех которого не менее зависит от успехов в информационной войне, приводящих к неправильному формированию представлений о происходящих событиях и не позволяющих сформировать объективного мнения. Принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром» никогда не теряет своей актуальности, особенно в случае, когда развернута самая настоящая информационная война, и уголовное право при таком положении дел должно выступать надежным щитом, защищающим общество от воздействия лиц и организаций, пытающихся дестабилизировать общественную ситуацию в своих интересах, что может привести к беспорядку и противоправности, всегда сопровождающим подобные процессы.

Важным является вопрос разработки мер противодействия распространению заведомо ложной информации. Стоит отметить, что сейчас принимаются достаточно фундаментальные меры по противодействию «фейкам» на законодательном уровне, однако, решить проблему лишь посредством закона и твердого проявления власти - невозможно, особенно в современном обществе. Сегодня выявляется и такая проблема, что не каждый гражданин, являющийся, к примеру, руководителем определенной информационной площадки, на которой происходит дезинформация, осознает степень важности происходящего и необходимость сотрудничества с органами власти. Зачастую сами введенные в заблуждение или проявляющие равнодушие к происходящему, они допускают попадание через свои площадки в Интернет недостоверной и вредоносной информации в силу недостаточно сформированного гражданского сознания, чьим важным качеством является ответственность за свои действия, происходящее вокруг.

Здесь находит свое место такой аспект, как правовая идеология, которая должна учитываться как необходимый фактор согласия между государством и обществом, так как правовая идеология в социальном смысле представляет собой договорное (консенсусное) явление (что также является важным признаком, связанным с ее дискурсивной природой). Степень соответствия правовой идеологии гражданского общества правовой идеологии страны определяет легитимность социальной власти и эффективность функционирования всей правовой системы (здесь можно также сказать, что дополнительная правовая мысль и общественно-правовая мысль).

Таким образом, для эффективного пресечения преступных деяний, связанных с проведением специальной военной операции, важным инструментом для предотвращения их совершения является формирование взаимосвязанных интересов государства и общества, активное донесение до граждан объективной информации о сложившейся ситуации и работа по укреплению гражданского самосознания, в частности, предполагающего формирование должного понимания гражданами

необходимости консолидироваться в столь неординарных обстоятельствах и готовности к сотрудничеству с органами государственной власти и правопорядка.

Единение юридической идеологии государства и правовой идеологии гражданского общества так же расширит возможности государства по формированию нормативно-правовой базы, регулирующей подобного рода нетривиальные ситуации, в которых оказывается государство, как, например, проведение специальной военной операции, но не сопровождающейся, при этом, введением военного положения, а также других ситуаций, в которых государство и общество сталкиваются с очевидными угрозами национальной безопасности.

Исходя из сложившейся ситуации, назрела необходимость на период проведения специальной военной операции создания специализированного подразделения или органа, осуществляющего выявление и пресечение преступных деяний, предусмотренных ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложных сведений о применении Вооруженных Сил Российской Федерации» и ст. 1. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию применения Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Предлагается отнести эти преступные деяния на период ведения СВО к преступлениям средней тяжести или как отягчающие вину обстоятельства, которые увеличивают степень общественной опасности, включив данные положения в вышеперечисленные статьи УК РФ. Так же стоит обратить внимание и на тот факт, что в пространстве Интернет многократно участились случаи распространения непроверенной или заведомо ложной информации касательно ведения боевых действий, которые могли бы дискредитировать действия ВС РФ. Именно эта особенность отражает ситуацию с возникновением преступных деяний, связанных с проведением СВО.

Со времен последних крупных конфликтов, проходивших в период СССРа, наше государство еще не сталкивалось с таким организованным и систематическим информационным противостоянием, с которым столкнулось с началом специальной военной операции. Распространение заведомо ложной информации, информации экстремистского содержания или разжигающей этноконфессиональную вражду, с чем сейчас регулярно сталкиваются пользователи сети Интернет, согласно определению преступного деяния, преступное деяние – это действие (действие или бездействие), являющееся общественно опасным, противоправным, умышленным и причиняющее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

В связи с этим, Госдумой и Советом Федерации 4.03.2022 г. утвержден и принят проект изменений в УК РФ, запрещающих распространять «заведомо ложную информацию» («фейки») о российских военных, антивоенных действиях и призывах, а также призывы к санкциям против России. Одним из факторов, детерминирующим развитие преступности, является активность лиц, уполномоченных в предусмотренных законом случаях на причинение вреда охраняемым общественным отношениям. Ффициальное разъяснение квалификации поведения, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ ВС Суд РФ до сих пор не принял, что, безусловно, негативно влияет на практику применения данной нормы [14]. Законодатели приняли меры по борьбе с умышленным распространением ложной информации о деятельности ВС РФ и других государственных органов, а также добровольческой армии, начиная с мер строгой ответственности. При этом

возникают и вопросы правильного применения нормы ст. 280.3 УК РФ. Несомненно, в современных реалиях ст. 207.3 УК РФ имеет огромное значение для политической стабильности общества. Необходимо решить указанные в этой статье вопросы, т.к. правильная квалификация этого деяния и справедливое наказание за него могут быть обеспечены путем единообразного применения закона.

Компетентные органы будут решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности тех, кто открыто призывал к действиям, направленным против безопасности России, по корыстным мотивам или по найму, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, из-за ненависти или вражды к определенной социальной группе. Так же принято решение, согласно которому любые виды диверсионной деятельности относятся к преступлениям против безопасности страны. Кроме того, по решению суда теперь виновных будут лишать специальных, воинских и почетных званий, а также государственных наград. Это стало дополнительным наказанием за распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и введению мер ограничительного характера против России и ее граждан. По состоянию на сегодняшний день практика расследования преступлений данного вида в разных субъектах и ведомствах РФ находится в фазе зарождения. Знаковым моментом для принятия решения о возбуждении уголовного дела и определении направления расследования являются выводы эксперта о наличии либо отсутствии дискредитации.

Список литературы:

1. Абдулатипов А.М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности. Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 2022. Т. 42. № 2. С. 121-127.
2. Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации. Российское правосудие, 2023. № 1. С. 21-28.
3. Борисов А.В. Проблемы, практика применения и возможности совершенствования положений об ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ. Военное право, 2023. № 2 (78). С. 156-161.
4. Бугера Н.Н. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона. Вестник Волгоградской академии МВД России, 2022. № 2 (61). С. 25-30.
5. Дулькина Л.В. Публичное распространение «фейков» об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: сложности доктринального понимания. Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101.
6. Кашин В.С. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (статья 207.3 УК РФ). Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации, 2022. № 4 (34). С. 46-51.
7. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооружённых Сил РФ. Как применять новую норму УК. Уголовный процесс, 2022. № 5 (209). С. 62-69.
8. Шамаев А.М. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых сил Российской Федерации). Пробелы в российском законодательстве, 2022. Т. 15. № 3. С. 95-100.
9. Шеншин В.М. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации как преступление, посягающее на общественную безопасность. Военное право, 2022. № 3 (73). С. 216-211.
10. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации распространения заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ. Евразийский юридический журнал, 2022. № 3 (166). С. 378.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1985. С. 141.
12. Философская энциклопедия // dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1739/амфиболия
13. Мерецкий Н.Е. Применение криминалистической диагностики в методике расследования преступлений. Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России, 2023. № 1 (62). С. 65-72.

14. Бюллетень Верховного Суда РФ. М., 2020. № 6. С. 13.

Chizhova E. S. Social conditionality of establishing criminal liability for the offence under art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 526–535.

The article analyzes theoretical and applied issues of implementing criminal liability for disseminating false information about the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation); the problem of qualification of individual criminal acts committed during the period of a special military operation by the Armed Forces of the Russian Federation is investigated; the rationale is given that a necessary condition for imputing the dissemination of false information within the meaning of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation is the publication of an official position on a specific issue of official authorities; it is concluded that the criminal law norm on libel (Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation do not correlate with each other as competing; It turns out that the situation of applying Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in its ideal totality.

Keywords: research, special military operation, discredit, criminal liability, examination, expert error, false information about the Armed Forces of the Russian Federation, slander, deception, crimes, public dissemination of knowingly false information, use of the Armed Forces of the Russian Federation, punishment, criminal law, “fakes”, anti-war protests, information partnership.

Spisok literatury:

1. Abdulatipov A.M. Criminal-legal characteristic of public dissemination under the guise of reliable reports of deliberately false information containing data on the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, maintenance of international peace and security. Legal Bulletin of Dagestan State University, 2022. Т. 42. № 2. С. 121-127.
2. Brilliantov A.V. Responsibility for dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. Russian Justice, 2023. № 1. С. 21-28.
3. Borisov A.V. Problems, practice of application and possibilities of improvement of provisions on responsibility for committing an offence under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Military Law, 2023. № 2 (78). С. 156-161.
4. Bugera N.N. Public dissemination of knowingly false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of criminal law. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. № 2 (61). С. 25-30.
5. Dulkina L.V. Public dissemination of ‘fakes’ about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers: difficulties of doctrinal understanding. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University, 2022. Т. 9. № 3. С. 97-101.
6. Kashin V.S. Peculiarities of qualification of public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers (article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. № 4 (34). С. 46-51.
7. Kibalnik A.G. Criminal liability for dissemination of fakes about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. How to apply the new norm of the Criminal Code. Criminal Process, 2022. № 5(209). С. 62-69.
8. Shamaev A.M. Issues of law enforcement practice of qualification of acts falling under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation). Gaps in Russian legislation, 2022. Т. 15. № 3. С. 95-100.
9. Shenshin V.M. Public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation as a crime encroaching on public safety. Voennoe pravo, 2022. № 3 (73). С. 216-211.
10. Stepanov-Yegiyants V.G. To the question of criminalisation of dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the RF. Eurasian Law Journal, 2022. № 3(166). С. 378.
11. Chekhov A.P. Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. М., 1985. С. 141.
12. Philosophical Encyclopaedia // dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1739/amphiboly.
13. Meretsky N.E. Application of criminalistic diagnostics in the methodology of crime investigation. Vestnik Dalnevostochnogo jurid. inst. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. № 1 (62). С. 65-72.
14. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. М., 2020. № 6. С. 13.